

НАДЕЖДА ЛЮКИНА (Глазов)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЕСЕРМЯНСКОГО НАРЕЧИЯ

Abstract. According to different sources and a few studies the first texts written in the dialect go back as far as the late 18th century. The paper offers a linguistic viewpoint on the history of its investigation, without emphasizing its origin. The focus is laid on the characteristic features of the dialect.

Keywords: Udmurt, Besserman dialect.

В удмуртском диалектном ландшафте в настоящее время выделяем следующие единицы: 1) северное наречие, 2) южное наречие, 3) срединные говоры, 4) бесермянское наречие.

В данной работе мы подробнее остановимся на истории изучения бесермянского наречия с лингвистической точки зрения. О происхождении бесермян начали писать с конца XIX в. Этим занимались этнографы, миссионеры, антропологи, археологи. Вопросы, связанные с языком бесермян, находят освещение во многих исследованиях.

Первым письменным памятником, в котором обнаруживаются бесермянские слова, является «Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Елавскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ» (1785). Этот удмуртско-русский словарь был издан лишь в 1995 году. Село Елово в настоящее время относится к Ярскому району Удмуртской Республики. В словаре представлен в основном лексический материал северного наречия, но встречаются и слова, не характерные для северных говоров: *атай* 'отец, родитель', *бицки* 'пила', *вылдэт* 'потолок', *карт* 'муж', *курдаско* 'боюсь, страшусь', *туклеци* 'сваха' и т.д. Т. И. Тепляшина отмечает, что они попали сюда из южных говоров (1971б : 134). Л. Л. Карпова в своей монографии пишет, что словарь «содержит разнообразную в диалектном отношении лексику. Большая ее часть [---] отражает лексику севернудмуртских говоров [---] Тем не менее, встречается немало слов, которые не характерны для говоров окрестностей села Елово, [---] лексемы принадлежат отчасти южноудмуртским, отчасти бесермянскому наречию» (Карпова 1997 : 29). З. Кротов был священником и вряд ли знал диалектную лексику южного наречия. На мой взгляд, в словарь включены бесермянские слова, так как в Ярском районе жили и живут бесермяне. И З. Кротову, по-

видимому, был известен язык этого народа. Лексический материал словаря отражает и некоторые фонетические особенности бесермянского диалекта. Подробный анализ см. у Т. И. Тепляшиной (1971 : 129—139) и в монографии Л. Л. Карповой (1997 : 28—29).

Определенный интерес при изучении диалектов представляет грамматика Михаила Могилына «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» (1786; см. Могилын 1998). Это один из ценных памятников удмуртской письменности XVIII в., который содержит краткое описание грамматических особенностей удмуртского языка. Большая часть его лексического материала отражает северное наречие, но зафиксированы и лексемы, характерные для бесермян. Приведенные ниже слова отражают своеобразие диалекта: *бьяк* 'стадо', *батаман* 'хозяин', *куй* 'лопата', *куйки* 'печаль, скука', *кукли* 'пирог', *сепыс* 'сумка', *сюмык* 'чашка' и др. (Тепляшина 1965 : 291—292). Село Укан относится к Ярскому району Удмуртии, там проживали удмурты, бесермяне, русские. В грамматике М. Могилына, как и в словаре З. Кротова, слова приведены без транскрипционных знаков. Анализ этого труда см. у Т. И. Тепляшиной (1965 : 234—293).

Бесермянскую речь в конце 80-х годов XIX в. Н. Первухин записывал в населенном пункте Юнда Кестымской волости (ныне Балеизинский район УР). В 1888 году вышло его многосерийное издание под названием «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовского уезда». Третий эскиз посвящен устно-поэтическому творчеству северных удмуртов. В книгу вошли загадки, пословицы, языческие молитвы — куриськоны, песни с переводом на русский язык. Включена и песня «Кэть-куректонъ крэзь», записанная в бесермянском селе. Но следует отметить, что записи удмуртских текстов произведены при помощи русской орфографии, поэтому не точны и не отражают диалектные особенности. Перевод на русский язык не совсем соответствует удмуртскому тексту (Первухин 1888 : 50).

Для исследования рассматриваемой темы чрезвычайно большой интерес представляет фундаментальный труд финского ученого Ю. Вихманна «Wotjakische Sprachproben» (Wichmann 1893; 1901). В нем представлен довольно богатый фольклорно-диалектологический материал по малмыжско-уржумскому, уфимскому, елабужскому, глазовскому, малмыжскому, бесермянскому диалектам. Исследователь впервые обратил внимание на язык бесермян и выделил его в качестве самостоятельной структурно-территориальной единицы удмуртского языка. Он в течение двух месяцев собирал и записывал материал в Глазовском уезде Вятской губернии. Неделю он прожил в бесермянском с. Ежево (ныне Юкаменский район УР), где записал 23 фольклорных текста (песни, загадки, причитания, куриськоны, сказки, легенды), причем в исключительно точной фонетической транскрипции и с параллельным переводом на немецкий язык. Эти публикации представляют собой ценный лингвистический материал. В фольклорных записях ученого (Wichmann 1893 : 116—120, 167—168; 1901 : 51, 161—186) идеально точно отражены многие фонетические и морфологические явления рассматриваемого наречия.

Следует отметить и работу Д. Корепанова «Бесермяне». Он занимался изучением языка бесермян в 30-е годы XX в. В статье автор

кратко рассматривает существующие в литературе гипотезы о происхождении бесермян. Он отмечает, что основным недостатком этих гипотез является отсутствие исследования и сопоставления бесермян с южными вотяками, обитающими в пределах современных Башкирии, Татарии и в южной части Удмуртской области (Корепанов 1931 : 101). На основе наблюдений и сопоставлений Д. Корепанов сделал иной вывод. Он прежде всего обратил внимание на отличия их языка от языка живущих совместно с ними удмуртов в отношении фонетики, строя речи, лексики (Корепанов 1931 : 102—103) и сделал следующие выводы: а) бесермяне представляют собой ответвление южных вотяков, переброшенных на р. Чепцу татарами в эпоху владычества здесь последних; б) особого бесермянского языка не существует, они говорят повотски. Их быт сходен с бытом южных вотяков и чересчур мало общего с татарами (Корепанов 1931 : 106). Тут следовало бы отметить, что существует бесермянский диалект удмуртского языка со своими характерными особенностями.

Из диалектологических исследований заслуживает внимания работа Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам» (1932; 1991). Данный удмуртско-русский словарь с элементами толкования смог охватить все диалекты удмуртского языка, содержит около 15 тысяч лексем. В предисловии автор знакомит читателей с особенностями языка, выделяет северное, срединное, южное, крайне-южное (по современной терминологии периферийно-южное) наречия и дает им краткую характеристику. Т. К. Борисов не упоминает о бесермянском наречии, хотя в словаре встречаются бесермянские слова. Пометой бес. отмечено 48 лексем. Но некоторые повторяются, так как автор к общеудмуртским или диалектным словам дает параллели из других наречий, в том числе и из языка бесермян: *мусуган* 'картофель' встречается три раза, *бабам* 'дед, бабушка', *амсыр* 'узкий' по два раза и т. д. Многие слова, характерные для бесермян, не отмечены в словаре или даны без указания на диалект. Часть бесермянских лексем имеют соответствия в южных говорах: *кисы* (бес. *късь*) 'арамн', *кудо* (бес. *къдо*) 'сват', *саур* 'задняя часть, ляжка', *такъя* 'вотский женский головной убор с серебряными монетами', *янчик* 'кошелек для денег' и др. Автор использовал правила удмуртской орфографии, хотя «вначале [---] составлялся академической транскрипцией по образцу проф. Вихмана» (Борисов 1991 : XV). Диалектологический словарь Т. Борисова занимает особое место в развитии удмуртского языкознания. «Не случайно он [---] упоминается в качестве одного из основных источников удмуртской лексики при составлении этимологических словарей финно-угорских языков, таких как КЭСК В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, UEW К. Редди и др.» (Кельмаков 2002 : 213). «Данный труд носит характер первого опыта полного словаря живого удмуртского языка» (Борисов 1991 : XXII).

В сборнике «Soome-ugri keelte dialektoloogia alane nõupidamine. Ettekannete teesid» увидела свет статья Г. А. Архипова «Бесермянское наречие удмуртского языка» (1958 : 7—10), в которой проводятся наблюдения в течение трех-четырёх лет в бесермянских деревнях Большая Юнда Балезинского района и Жувам, Мустай, Митрошата Юкаменского района УР. В 1957 году была организована специальная экспедиция

по собиранию диалектологического материала. В работе представлены разные теории о происхождении бесермян, более полно освещены некоторые диалектные особенности. «Бесермяне, жившие в определенное время в отрыве от других удмуртов, сумели сохранить часть древнейших слов, но вместе с этим многое забыли и заимствовали из тюрко-булгарского языка» (Архипов 1958 : 9). Автор отмечает, что в данном наречии звук *ö* отсутствует, система гласных состоит из шести фонем, однако причины этого явления не рассматриваются. Для доказательства сохранности и/или отсутствия *ö*, на наш взгляд, следовало бы собрать большее количество лексем и проверить их во многих населенных пунктах. Из морфологических особенностей выделяется наличие некоторых аффиксов, характерных для данного диалекта (Архипов 1958 : 9—10). В статье отмечается, что «бесермяне — удмуртское племя, находившееся долгое время в составе болгарского государства и потом переселившееся в бассейн р. Чепцы» (Архипов 1958 : 8).

Одним из крупных исследователей-бесермяноведов является Т. И. Тепляшина. Она опубликовала целую серию статей в 60—70-е годы (Тепляшина 1970а; 1971а; 1971б; 1971в; 1975). Особое место занимает ее монография — фундаментальный труд «Язык бесермян» (Тепляшина 1970б). В нем рассматриваются происхождение бесермян, их расселение, история изучения, общие сведения о языке бесермян. Описаны произносительные особенности специфических звуков, определены закономерности фонемной синтагматики. Примечательно, что сделана попытка проследить историю формирования фонетической системы диалекта. В монографии отсутствует описание особенностей словесного ударения. Лишь в других разделах книги можно найти некоторые сведения об отличиях акцентуационной системы. В разделе морфологии описываются существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, парадигмы словоизменения и система словообразования этих знаменательных частей речи. Автор не рассматривает наречия, служебные части речи, синтаксис. Характерной особенностью бесермянского наречия является реализация общеудмуртской гласной фонемы *ы* во всех позициях фонетической структуры слова в заднерядном варианте *ь*. В данном наречии, по материалам книги «Язык бесермян», фонема *ö* не употребляется, на месте *ö* выступает *э* или реже *о*: *bed'ono* (удм. лит. *böd'eno*) 'перепел', *por* (удм. лит. *pör*) 'стряпня, домашнее дело' (Тепляшина 1970б : 76, 77). «Отсутствие звука *ö* в языке бесермян [---] не поддается объяснению внутренними законами развития системы гласных пермских языков. По-видимому, мы здесь имеем дело с влиянием какого-то субстрата» (Тепляшина 1970б : 78). К настоящему моменту в бесермянских говорах нами зафиксирован данный гласный. Но слов с *ö* значительно меньше, чем с *э* и *ь*. Выделены и другие специфические явления в области фонетики, которые объяснимы, отмечает Т. И. Тепляшина, только как субстратные (1970б : 79—84, 130—133, 147—148, 153—155, 161—162). Эти фонетические явления автор сопоставляет с удмуртскими диалектами и тюркскими языками. В большинстве случаев аналогичные особенности обнаруживаются лишь в некоторых тюркских языках, они не характерны для других удмуртских диалектов (Тепляшина 1970б : 133). Следует заметить, что многие явления, от-

меченные в монографии Т. И. Тепляшиной, все же встречаются в диалектах удмуртского языка, особенно в периферийно-южных. Ряд ее высказываний о фонетических явлениях нуждаются в уточнении.

Заслуживают внимания и статьи известного бесермянского поэта М. И. Федотова, который внес определенную лепту в изучение своего языка (1982; 1985). В небольшой по объему публикации «Ворцинский говор бесермянского наречия» он приводит сведения о своей деревне. По национальному составу ее население относится к смешанным (татары, русские, удмурты). Бесермяне говорят на своем диалекте. М. Федотов отмечает в нем шесть гласных (*a, э, o, ъ, y, и*) и выделяет некоторые особенности.

Существенный вклад в изучение данного наречия в системе удмуртских диалектов вносит известный финно-угровед В. К. Кельмаков. С 1972 года он ежегодно вместе со студентами выезжал в фольклорно-диалектологические экспедиции, написал и опубликовал серию научных статей, в том числе и по рассматриваемому языку. В работе «К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян» (1985 : 114—122; 2003 : 87—98) В. К. Кельмаков обращает внимание на специфические особенности бесермянского наречия, которые выделяются Т. И. Тепляшиной, и отмечает, что многие из них встречаются в той или иной степени и в других диалектах удмуртского языка. Историко-лингвистический анализ этих фонетических явлений «позволяет ставить под сомнение научную достоверность [---] гипотезы о тюркском происхождении бесермян, или, по крайней мере, наличие тюркского [---] субстрата в их языке» (Кельмаков 2003 : 98). В 1987 году на XVII Всесоюзной финно-угорской конференции В. К. Кельмаков представил доклад «Бесермянское наречие в системе удмуртских диалектов» (Кельмаков 1987 : 113—115), переработанный вариант которого вошел в книгу «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка I» (см. Кельмаков 2003 : 99—135). Работа посвящена детальному рассмотрению важнейших фонетических и морфологических особенностей языка бесермян с целью определения его статуса в системе удмуртских диалектов. Исследователь выделяет 1) собственно «бесермянские» особенности, не имеющие параллелей в других диалектах (7); 2) гипертрофированные на бесермянской почве явления, спорадически встречаются и в других удмуртских диалектах (4); 3) особенности, имеющие локальное распространение как в северной, так и в южной диалектной зоне (13); 4) явления, объединяющие язык бесермян с северно-удмуртскими говорами (8); 5) черты, сближающие с южным наречием, особенно с периферийно-южными говорами (13).

Следует отметить, что все теоретические положения и выводы автора научно обоснованы. После выхода в свет монографии Т. И. Тепляшиной прошло уже больше тридцати лет. В настоящее время «отдельные ее положения как в синхронном описании, так и (в особенности) в диахронической части нуждаются в уточнении, детализации или дополнении» (Кельмаков 1992a : 34), тем более что в исследовании удмуртских диалектов и в разработке проблем исторической фонетики удмуртского языка достигнуты серьезные успехи. Возможно, бесермянский диалект не совсем таков, каким виделся в 1960—1970-е годы. С целью исследования диалекта в 1991 году была организована экспе-

диция в Юкаменский район (с. Ежево) УР. Собран материал по всем уровням языковой системы. Он представлен в работе «К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия» (см. Кельмаков 1992а). На его основе В. К. Кельмаков рассмотрел фонетическое своеобразие ежовско-шамарданского говора 1) в области вокализма, 2) словесного ударения; 3) в области консонантизма. Лексика отражена в небольшом словарном приложении. Материалы этой экспедиции внесли некоторую ясность в освещение системы праудмуртских аффрикат в данном наречии. В работе «К истории велярных аффрикат в одном бесермянском говоре» В. К. Кельмаков (1992б : 27—31; 2004 : 301—305) рассматривает способы замещения утраченных аффрикат другими согласными и приходит к следующим выводам: 1) переход глухой аффрикаты *č* в ауслаутной позиции в *ч*, вопреки мнению Т. И. Тепляшиной (1970б : 132), в рассматриваемом говоре не наблюдается; 2) в отношении развития велярных аффрикат говор наиболее близок к отдельным периферийно-южным говорам (в частности, кукморскому и краснофимскому) (Кельмаков 2004 : 304—305). Для диалектологов большой интерес представляет также вопрос о судьбе праудм. **õ* в бесермянском наречии. В монографии Т. И. Тепляшиной, как уже отмечено, подчеркнуто отсутствие фонемы *õ*. Современный бесермянский говор, как отмечает В. К. Кельмаков, характеризуется исключительным многообразием репрезентантов праудм. **õ*, не свойственным ни одному из остальных удмуртских диалектов. Для наглядности автор представил схему (см. Кельмаков 1992а : 50; 2004 : 141). Всего проанализировано 74 слова. На мой взгляд, исследование следует продолжить и включить в программу сравнительно больше удмуртских лексем с *õ* и другие населенные пункты, где проживают бесермяне. В. К. Кельмаков приходит к выводу, что «едва ли можно говорить о полном отсутствии звука *õ* в бесермянском наречии, по крайней мере в ежовско-шамарданском говоре, фонематический статус его требует дополнительного исследования» (Кельмаков 2004 : 146). К тому же этот гласный отмечен Ю. Вихманном еще в конце XIX в. В. К. Кельмаков создал комплексное учебно-методическое обеспечение курса удмуртской диалектологии в вузе, что дает возможность использовать его при изучении бесермянского наречия. В учебном пособии «Краткий курс удмуртской диалектологии» (Кельмаков 1998) описываются фонетические, морфологические и лексические черты и этого диалекта (Кельмаков 1998 : 286—304). Книга включает семь образцов речи бесермян. Интересно отметить в этой связи и книгу «Udmurtin murteet» (Keltmakov, Saarinen 1994 : 348—355), в которой диалектные материалы зафиксированы исключительно точно. Очень важное значение имеет также фундаментальный труд В. К. Кельмакова «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» (2003; 2004).

Определенный лингвистический материал по языку бесермян представлен в статье М. Г. Атаманова «Бесермянский след в диалектах удмуртского языка» (2000 : 97—106). Особо выделены и проанализированы проблемы происхождения и расселения бесермян. В данном случае хотелось бы подчеркнуть, что М. Г. Атаманова тоже интересуется связью бесермянского языка с диалектами и говорами удмуртского языка. Общеизвестно, что фонетика языка бесермян находит прямые

аналогии в диалектах южного наречия, морфология близка северному. Автор выделяет южноудмуртские параллели, «ибо кроме общих указаний на некоторые [---] соответствия языка бесермян и южных удмуртов, отдельных работ в удмуртоведении не существует» (Атаманов 2000 : 102). Наиболее близкие аналоги прослеживаются в кукморском, кырымском, закамском говорах, а также в граховских, алнашских говорах южноудмуртского наречия. М. Г. Атаманов на примере Граховского района выделяет 11 аналогий (2000 : 102—103). Кроме того, он отмечает ряд лексических параллелей в бесермянском и граховских говорах: *анай* 'мать', *атай* 'отец', *аби* 'бабушка', *акашка* (грах. *акашка*) 'весенний праздник перед посевной', *бут'мар* 'чрезплечное украшение', *йан'чик* 'кисет, кошелек', *куйь* 'колодец', *ойик-оиг* 'один', *алла!* (грах. *алла!-аллакыйм* 'вот это да?! эх, ма!!'). «Таким образом, наше исследование показывает, что исторической родиной бесермян до переселения их в верхневятско-чепецкий бассейн, была Арская земля, расположенная в нижнем течении рек Вятки и Камы. Они жили в смешении с удмуртами, в соседстве с булгарами (чувашиами), позднее — с татарами Золотой Орды и Казанского ханства» (Атаманов 2000 : 104).

Указанные источники и исследования показывают, что фиксация речи бесермян началась с конца XVIII в. В них нашли отражение характерные черты описываемого диалекта. Наибольшую научную ценность в области диалектологии имеют фольклорно-лингвистические тексты Ю. Вихманна, специальная монография Т. И. Тепляшиной, которая впервые подробно описала данное наречие. На современном этапе развития удмуртской диалектологии чрезвычайно важное место занимают исследования В. К. Кельмакова. Анализ источников показал, что многие явления бесермянского диалекта не получили еще достаточно полного освещения, хотя, на первый взгляд, он кажется наиболее изученным среди удмуртских диалектов. Следует отметить, что язык бесермян своеобразен, требует дальнейшего исследования и детального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- А т а м а н о в М. Г. 2000, Бесермянский след в диалектах удмуртского языка. — СIFU VIII, Pars IV, 97—106.
- А р х и п о в Г. А. 1958, Бесермянское наречие удмуртского языка. — Soomeugri keelte dialektoloogia alane nõupidamine. Etekannete teesid, Tartu, 7—10.
- Б о р и с о в Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск.
- 1991, Удмурт кыллюкам, Ижевск.
- К а р п о в а Л. Л. 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Тарту.
- К е л ь м а к о в В. К. 1985, К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян. — Вопросы диалектологии тюркских языков, Уфа, 114—122.
- 1987, Язык бесермян в системе удмуртских диалектов. — XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов, Т. I. Языкознание, Устинов, 113—115.
- 1992a, Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах, Ижевск (Удмурт вераськетъёс 1), 33—107.
- 1992b, К истории велярных аффрикат в одном бесермянском говоре. — IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А. С. Сидорова. Тезисы докл., Сыктывкар, 27—31.

Надежда Люкина

- 1998, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Тексты. Библиография, Ижевск.
- 2002, О трудах Т. К. Борисова в области удмуртской филологии (К 110-летию со дня рождения). — *LU XXXVIII*, 207—214.
- 2003, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка 1, Ижевск.
- 2004, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка 2, Ижевск.
- К о р е п а н о в Д. 1931, Бесермяне. Некоторые особенности языка бесермян сравнительно с северными и южными удмуртами. — На удмуртские темы. Сборник статей, Москва, 99—106.
- К р о т о в З. 1995, Удмуртско-русский словарь (Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Елавскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовым, 1785), Ижевск.
- М о г и л и н М. 1998, Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики, Ижевск (Памятники культуры: Лингвистическое наследие).
- П е р в у х и н Х. 1888, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уезда. Эскиз 3-й, Вятка.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1955, О взаимодействии языков (Проблема субстрата). — *ВЯ*, № 1, 7—25.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века, Москва.
- 1970а, Язык бесермян (К проблеме происхождения бесермян). — *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Tallinn 17.—23. VIII. 1970. Teesid. Тезисы. Thesen 1, Tallinn*, 128.
- 1970б, Язык бесермян, Москва.
- 1971а, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья. — *СФУ VII*, 5—12.
- 1971б, Об удмуртско-русском словаре Захарии Кротова. — *СФУ VII*, 129—139.
- 1971в, Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян. — *СФУ VII*, 201—204.
- 1975, Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян. — *SIFU III*, 562—567.
- Ф е д о т о в М. И. 1982, Ворцинский говор бесермянского наречия. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 116—130.
- 1985, Термины родства бесермян. — Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XIX вв. Сборник статей, Устинов, 116—131.
- К е ү м а к о в V., S a a r i n e n S. 1994, *Udmurtin murteet*, Turku—Iževsk.
- W i c h m a n n Y. 1893, *Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche*, Helsingfors.
- 1901, *Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen*, Helsingfors.

NADEŽDA LJUKINA (Glazov)

ÜBER DIE ERFORSCHUNG DES BESSERMÄNISCHEN DIALEKTS

Verschiedene Quellen und Forschungen bezeugen, dass die ersten schriftlichen Aufzeichnungen in diesem Dialekt gegen Ende des 18. Jahrhunderts gemacht worden sind. Der vorliegende Aufsatz handelt die Forschungsgeschichte des Bessermänischen aus sprachwissenschaftlicher Sicht ab, geht dabei aber nicht auf Probleme seiner Herkunft ein. Im Vordergrund stehen die typischen Eigenschaften des Dialekts.